

Центр трансформации
юридического образования
факультета права НИУ ВШЭ

**Открытый семинар
«Как учить юристов»**

**Письменные экзамены
у юристов:
за и против**

Факультет права НИУ ВШЭ
6 февраля 2023

Роман Янковский

Это первый открытый семинар ЦТЮО. Встречи будут проводиться каждые 2-4 недели, на разные темы. Будут приглашаться гости из других вузов.

Тема сегодняшнего обсуждения - письменные экзамены на юридическом факультете. Нужны ли письменные экзамены на юридическом факультете? В чем плюсы и минусы письменных экзаменов?

Сегодня поделятся своим опытом М.В. Матвеева и А.В. Ильин.

О Центре

Наш Центр трансформации юридического образования начал свою работу прошлым летом. Сейчас мы чувствуем себя достаточно уверенно, чтобы открыто обсуждать свои наработки. Письменные экзамены – одна из таких наработок. В таком же формате мы имеем результаты и по другим образовательным инновациям.

Мы очень открыты к сотрудничеству. Мы занимаемся продюсированием образовательных курсов и целых программ. У нас есть две программы: Цифровой юрист (бакалавриат) и Legal Tech (магистратура). Мы помогаем разрабатывать и другие курсы в контакте с рынком и с работодателями, актуализируем существующие программы. В общем, стараемся сделать юридическое образование более востребованным, качественным, полезным.

Если вам интересно сотрудничество с нами, то, пожалуйста, подключайтесь. У нас нет никакого барьера для входа. Преподаватели, которые работают с нами, получают площадку для экспериментов, возможность обмена опытом с коллегами. Будет возможность и для вузов в целом подключиться к нашим наработкам, к нашим методическим материалам. Мы рассчитываем, что удастся вовлечь даже работодателей.

Передаю слово Марии Витальевне.

М.В. Матвеева о ЕГЭ и критериях письменных экзаменов

Добрый день! Очень рада, что пригласили меня на такое мероприятие. Конечно, для меня вопрос проведения экзамена – большой. Я в Вышке работаю с 1999 года, передо мной прошли все этапы становления

промежуточной и итоговой аттестации студентов. И скажу так: Вышка колебалась. Сначала у нас были устные экзамены, потом плавно нас стали переводить на письменные. На тот момент почему-то от нас требовали именно тесты. Вопросы были и с открытыми ответами, но в основном были именно тестовые задания: вписать слово, два, предложение. Говорили о том, что это западная модель, которую и легко проверять, и где критерии оценивания четкие, ясные.

В какой-то момент мы стали по ряду предметов переходить обратно на устные экзамены. Особенно по таким дисциплинам, как история, например, государства и права зарубежных стран, отечественная история государства и права. И на крупные дисциплины, которые идут год-два. В учебных дисциплинах, где большой объем учебного материала, мы стали переходить на устные экзамены, потому что подготовить такую тестовую базу невозможно. Все-таки хочется со студентами поговорить, услышать ответ. Не только на конкретные заданные вопросы, но и услышать пояснения, а может быть, даже вступить в дискуссию.

Я достаточно давно работаю в ЕГЭ с московским регионом. И что я вижу? Это полностью письменный экзамен (если не брать в расчет иностранные языки и их часть говорения). В чем проблема такого письменного экзамена? Эта форма хорошая, хорошая для такого «срезового» контроля – проверить понимание текста, понимание задания. Но когда начинается открытый вопрос, где необходимо поразмышлять, где надо написать текст, где надо дать конкретику по определенным вопросам, это затруднительно. При проверке затруднительно грамотно оценить то, что было написано.

Мы помним — те, кто учились в советские времена — сочинение, которое писали 6 часов. Оно было объемное, большое, были размышления на тему. Но оно же не содержало критериев, и поэтому шел полёт мысли, приводились свои доводы, а проверка занимала большое время. Иногда даже были споры, раскрыта ли тема.

Что происходит сейчас? Школьники ЕГЭ апеллируют и апеллируют в очень большом объеме. Бывает, что до 50 процентов участников пишут апелляционное заявление. Раз они написали, то эксперт вынужден перепроверять эту работу.

И мало того, что работу проверяет минимум 2 эксперта. Если есть разночтение, значительные в оценках, проверяет третий эксперт. На апелляции еще раз еще один эксперт полностью перепроверяет. Причем тот, кто не принимал участие в первичной проверке. Представляете, сколько должно быть задействовано коллег?

Перепроверяется именно по критериям, которые изначально заложены в это задание. Каждый участник знает эти критерии. Критерии разработаны для всех абсолютно предметов. То есть то, что должно быть какое-то

введение, какая-то проблема поставлена, какие-то примеры приведены. Абсолютно по каждому заданию даны вот эти критерии.

То есть мало разработать задание, нужно еще разработать критерии и его оценивание. А дальше экспертам указать на то, как они должны оценивать. Мы же с вами и письменные домашние задания даём, и контрольные работы. Мы проверяем их без критериев. Потому что не так много студентов обратятся и спросят, почему вы поставили ту или иную оценку.

Те критерии, которые мы с вами закладываем в программу учебной дисциплины, у нас очень размыты. Мы пишем «тема раскрыта полностью» или «не полностью». «Есть примеры литературы», «судебной практики». Согласитесь, это очень размытые критерии. С опытом мы можем любой ответ подогнать под любую оценку. Извините, коллеги, если наступаю на больную мозоль.

Поэтому, если мы будем проводить так экзамены, надо разработать очень хорошие критерии. И до начала учебной дисциплины студентам рассказать, что у них будет на экзамене и по каким критериям они должны строить свой ответ для того, чтобы они подготовились. Чтобы уже в начале курса, готовясь к экзаменам, они могли понимать: мне надо узнать столько-то примеров, мне надо прочитать какой-то объем литературы, я должен, предусмотреть такие-то ходы. Это первое.

А второе – надо очень хорошо сформулировать вопрос. Я заглянула в программу итоговой аттестации нашего бакалавриата по гражданскому праву. Увидела там пример ответа на вопрос по поводу цессии. Я быстренько в голове подумала, чтобы я ответил по этому поводу: очень много бы ответила по поводу цессии, потому что я занимаюсь ей. У меня уже в голове у меня сложился трактат примерно на 15 страниц того, что я знаю. Так, так, так, так, так. Получилось бы много.

А времени сколько задают? Два часа. Вопросы тоже минимум два. По гражданке у нас три вопроса, потому что мы охватываем общую, особенную часть и интеллектуалку. Невозможно за такое время написать такой большой ответ.

Спрашивается, а что тогда должен студент написать по поводу цессии? Просто что это передача, переход права? А какие нормы применяются? Насколько ответ должен быть развернутым? Или он должен быть развернутым планом?

И понимаете, вы будете проверять и я буду проверять. Каждый по-своему оценит. Вы как просто специалист в области Гражданского права, а я - как глубоко занимающийся этой темой. И оценка у нас с вами получится разной.

Поэтому вопрос - он должен быть каким-то очень узким. На лист, может быть, на полтора листа. И когда мы четко понимаем, что это все, что можно было бы сказать по поводу этого вопроса, ничего за скобками не остается,

тогда будет объективное оценивание. И тогда я ничего против такого письменного экзамена не имею.

Но я имею против того, что мы наших преподавателей загрузим работой, чтобы эти вопросы составить, чтобы они были и интересными, и актуальными, и берущимися. Не то, что студент, который занимается на кружке, посещает библиотеку, дополнительные мастер-классы берет, ответит. А что это на этот вопрос ответит среднестатистический студент.

Роман Янковский об опыте экзамена по ИГПЗС

Я расскажу про наш опыт. У нас есть программа «Цифровой юрист», около 60 человек. На ней в первом семестре идет курс по ИГПЗС, весь семестр.

Экзамен по дисциплине весит 70 процентов. Экзамен традиционно устный, но студентам, в принципе, это неважно, потому что для них эта традиция новая. Они ведь только поступили в ВУЗ. До ИГПЗС у них были экзамены по критическому мышлению и по социологии, но это такие экзамены, скажем так, не хардкорные.

ИГПЗС — уже настоящий юридический экзамен. Мы решили попробовать провести его в письменной форме. Тем более что студенты очень так подходили, спрашивали, как обеспечивается объективность на устных экзаменах.

Письменный экзамен мы проводили следующим образом. Здесь, в Вышке, есть два специальных компьютерных класса. Там стоят одинаковые компьютеры, 25 - 26 компьютеров, что примерно соответствует размеру группы. Есть возможность отключать интернет, кроме Smart LMS, и есть возможность отслеживать действие на компьютерах с компьютера администратора. Это выглядит так: у администратора что-то вроде зума, где много-много окошечек. Каждое окошечко – это студент, который что-то пишет. И администратор может в любой момент нажать на весь экран и выводится его окно, и администратор видит, что делает студент.

Мы договорились с преподавателем, порядок экзамена она составила, критерии тоже. Составление критериев – трудоемко. Это действительно много времени, потому что она составила, во-первых, довольно развернутые критерии и таблицу оценивания, плюс правила экзамена, плюс отобрали 30 вопросов. Мы не все 100 с чем-то вопросов по ИГПЗС рассматривали — только 30, но все 30 вопросов касались письменных источников. Было отобрано 30 источников: законы Хаммурапи, Кодекс Наполеона, Германское гражданское уложение.

Каждый вопрос был, по сути, был приведен к стандартной форме. Конкретный источник: рассказать про структуру, историческое значение, влияние, последствия. Мы сделали общие критерии ко всем вопросам, все вопросы привели к единой форме.

Потом я понял, что в принципе можно было сделать проще: написать всего четыре вопроса на всех и сделать критерии по ним. Потому что, когда у тебя компьютерный класс, там сложно списать. Тем более, что у нас присутствовали: я, менеджер, ассистент и преподаватель - четыре человека на 30 студентов. При том, что мы еще и видим, что у них на экранах происходит, записываем. В принципе, даже если дать им один вопрос на всех, списать было бы сложно. Но мы сделали 30 вопросов, с запасом.

Экзамен был в формате Open book. У ребят были все источники: мы совместно с преподавателем перевели всё это в формат PDF и загрузили в Smart LMS. Соответственно, студент садится за компьютер, система «крутит барабан», выпадает вопрос один, вопрос два. И по каждому из этих вопросов он может открыть источник в Pdf на экране — без комментариев, без вступительной статьи, просто текст на русском языке. Студенты знали, что источники у них будут.

Ответ студента занимал два часа, по часу на каждый вопрос. Могли писать один полтора часа, другой за полчаса — сами решали. Через два часа ответ автоматически отправляется на проверку. По ощущениям, все прошло очень быстро.

Экзамен такого рода в принципе вообще можно без преподавателя проводить. Я такое видел один раз в жизни, читал в РЭШ, и они вообще без меня провели экзамен. Я думал, раз экзамен, поеду к ним, буду, значит, ходить по аудитории с грозным видом. А они говорят: зачем вы нам там? Ассистенты сами все проведут и соберут у студентов работы.

Надо, кстати, иметь в виду, что преподаватель в нашем случае получал ответы без подписей, анонимными. С LMS это, как говорят, шифрование вообще никаких усилий не потребовало.

Срок на проверку по ПОПАТКУС — 5 рабочих дней после окончания сессии. Если провести экзамен в начале зимней сессии — скажем, 21 декабря — то результаты нужно представить 15 января. Времени получается достаточно много отводится. Если письменная работа идет в семестре — отводится 10 дней после ее сдачи.

Наша преподавательница сказала, что проверяла до 40 минут каждую работу по всем критериям. На мой взгляд, это было излишне, потому что она писала по каждому критерию подробное резюме, не хотела апелляций. Мне кажется, писать много не всегда нужно — например, в случае очевидно плохих и очень хороших работ. Хотя, конечно, здорово, когда по каждому

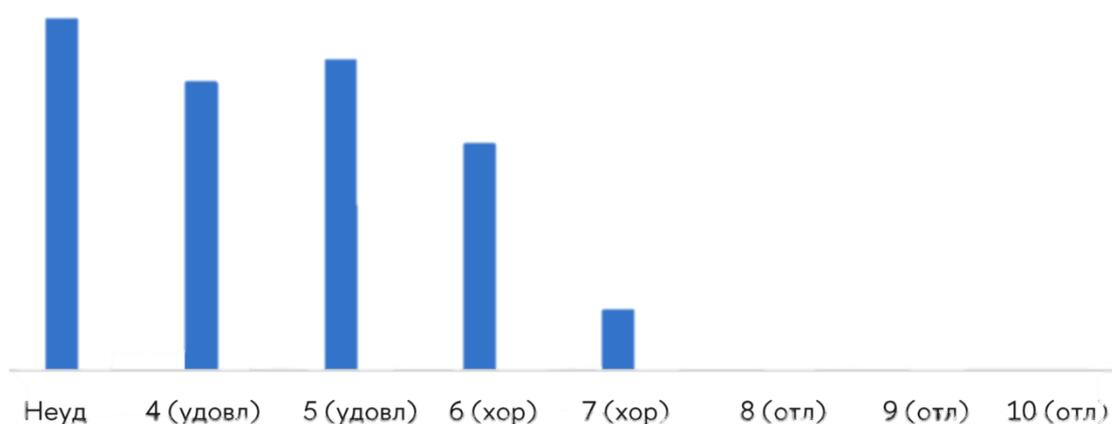
критерию есть фидбэк. Студенту можно не просто объявить оценку, но еще и объяснить, что он сделал не так.

Конечно, проверять каждую работу по критериям — большая нагрузка. Но разве устный экзамен — не нагрузка? Кто-то может за 3 часа у 60 студентов экзамен принять, но у меня никогда не получалось. Надо послушать человека, если ты не уверен, дать еще один вопрос, пока не будешь уверен. И это даже по пятибалльной шкале, что уж говорить о десятибалльной. Так можно с утра до вечера слушать студентов. И это также приводит к большим искажениям: начинаешь тянуть двоечников, чтобы поскорее закончить, а кто-то, наоборот, начинает валить всех подряд.

Помните знаменитое исследование — кажется, в Израиле изучали, как судьи принимают решения, и оказалось, что до и после обеденного перерыва результаты сильно отличаются? Эти искажения возникают сами собой, когда человек голоден, когда у него что-то болит.

Также пару слов о предвзятости. Бывает, что преподавателю не нравится студент. Когда экзамен письменный, вероятность стать жертвой предвзятого отношения очень мала. Разве что если у студента специфический стиль письма, который можно узнать — например, иностранец, который плохо пишет по-русски. Но в остальных случаях вряд ли. У нас были студенты, которые хорошо успевали в семестре, но плохо сдали экзамен, и это говорит о непредвзятости преподавателя, который не знал, кого проверяет.

На этом графике синие шкалы — это то, что нас получилось изначально с нашими критериями. То есть получился сильный перевес в сторону оценок ниже среднего.

Но: в чем плюс письменного экзамена? У нас каждый критерий был дан в диапазоне, например, от 0 до 3 баллов за описание истории принятия документа. Соответственно, имея разбивку ответов, оцененных по каждому

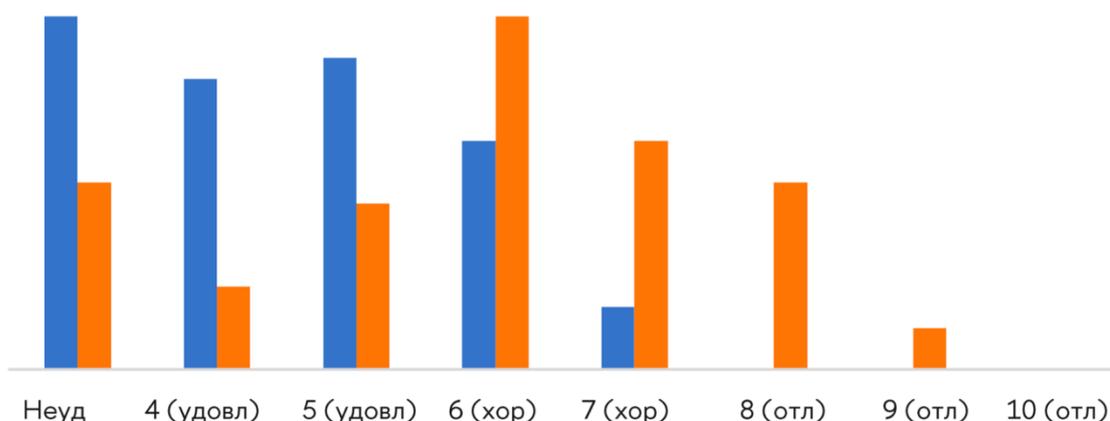
критерию, в виде таблицы в экселе, мы можем увеличить вес отдельных критериев. Мы можем добавить какой-то коэффициент для каждого ответа, не выходя за вилку, и таким образом сместить распределение ответов к нормальному.

Пример: по критерию можно оценить ответ от 0 до 3. Мы имеем четыре ответа: 0, 1, 1 и 3. Нам не нравится распределение и мы умножаем каждый ответ на 1,5. В результате получаем 0, 1,5, 1,5, 3. Таким образом мы можем, грубо говоря, сместить порог хорошего ответа, чтобы больше студентов в него поместилось.

Такое оценивание даёт нам гибкость. Когда мы на экзамене оцениваем студента сразу, то потом не можем эту оценку изменить. Мы «калибруемся» на нескольких первых студентах, и эта калибровка может оказаться некорректной. Также студенты начинают пользоваться нашим поведением, чтобы искусственно спутать наши критерии. Например, двоечники идут первыми, чтобы у преподаватель принял их за успешных студентов и у него сформировались низкие критерии оценивания. В результате вся группа получает четверки и пятерки.

У нас другая ситуация: мы проверяем по критериям, но видим некорректное распределение, и можем варьировать каждый критерий. Мы думали, что студент будет называть по пять статей из каждого источника, а все называют максимум по две. Ну что ж, будем считать, что это хороший ответ, и будем оценивать его выше.

В нашем кейсе мы использовали коэффициент 20%, который применили к результатам по отдельным критериям. В результате получился вот этот оранжевый график, который представляет собой обычное нормальное распределение.

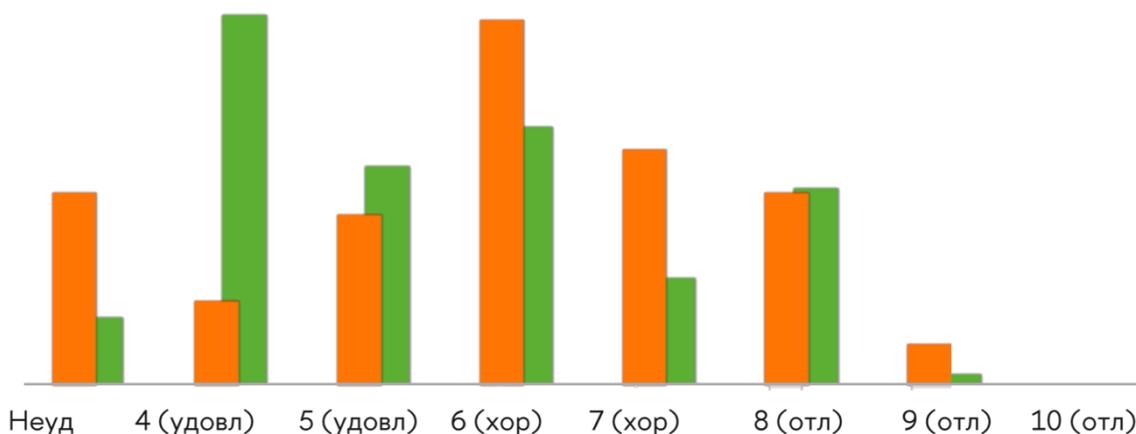

Вы видите некоторый всплеск на «неуд», потому что туда относится сразу несколько оценок: 0, 1, 2 и 3. Но потом идет нормальное нарастание до шестерки («хорошо»), а затем снижение.

А вот тут я наложил на наш график (оранжевый) оценки на устном экзамене по ИГПЗС у остальных студентов, которые сдавали как обычно (зеленый). Обратите внимание на зелёные всплески на «рубежных» оценках: 4 (удовлетворительно), 6 (хорошо), 8 (отлично). Откуда они? Преподаватели натягивают оценки. Вроде бы человек не тянет, но лицо знакомое, на занятия ходил, вот и можно поставить ему троечку, чтобы потом не мучиться на пересдаче.

Обратите внимание, как мало семерок и девяток, но много восьмерок. Почему? Это натянутые пятерки, когда вместо семерки ставят человеку восьмерку. Тоже обычное дело.

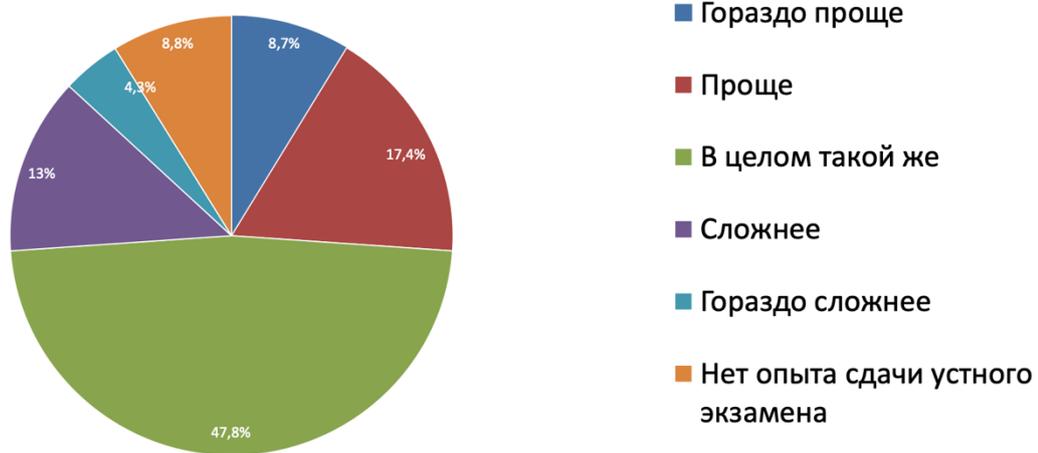
Все подобные аномалии легко объяснить когнитивными искажениями. Когда преподаватель видит перед собой студента, который ходил на все лекции,

он скорее поставит тройку вместо двойки или пятерку вместо четверки. Преподаватель считает, что ответ был «рубежным», попал между оценок — но статистика показывает, что нет.

После экзамена мы спрашивали студентов об ожиданиях до и «после». В целом они сказали, что экзамен не проще и не сложнее устного. Единственное, они жаловались, что мы не дали им смотреть на критерии оценивания в ходе экзамена. Мы будем иметь это в виду, хотя кажется, что если готовишься к экзамену, то можешь заранее готовить ответ именно по критериям — в каких исторических обстоятельствах был принят нормативный акт, какая его структура. Запомнить эти критерии не сложно.

Письменный проще, чем устный?

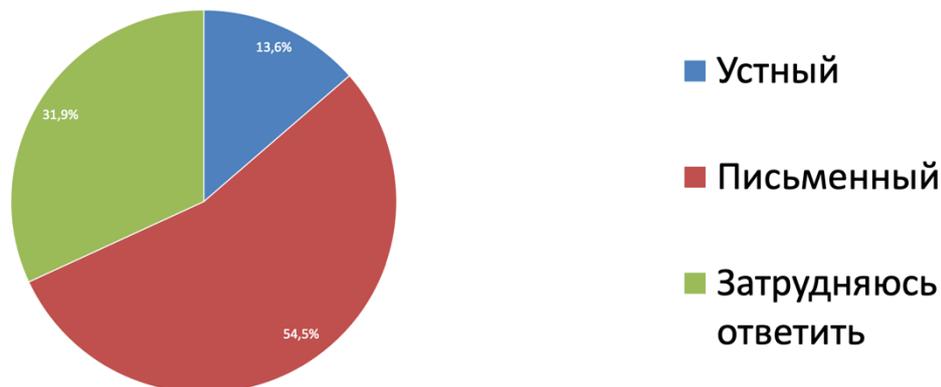
Мы заметили снижение уровня стресса у студентов: они говорят, было сильно спокойнее. У них есть источники, их никто не прерывает. Были, конечно, и факторы стресса — например, в компьютерном классе зимой очень душно. Также некоторым было сложно печатать — я заметил, что некоторые девушки пришли с длинным маникюром. Не знаю, на что они рассчитывали. Может быть, думали, что будут ноутбуки, а там стояли полноценные компьютеры с глубокими клавиатурами, на которых неудобно печатать с ногтями. Некоторые еще сказали, что было тревожно, потому что по аудитории ходили ассистенты, все время смотрели на них.

Стресса больше или меньше?

Мы спросили, как какой они хотят второй экзамен по ИГПЗС: письменной или устный. И большинство сказала, что хотят письменный. Треть сказала «решайте сами». В сумме, мне кажется, это успех, потому что не появилось по итогу отторжения к письменным экзаменам. Поэтому, надеюсь, мы будем эту практику продолжать.

Каким сделать следующий экзамен?

Спасибо, коллеги! Если есть вопросы, Я с удовольствием отвечу¹.

Вопросы и ответы

- 1) В итоговом опросе было около 30 респондентов. Пытались ли вы понять тренд не ответивших, это почти половина?

Роман: Нет. Это хороший вопрос: конечно, участвуют в необязательных опросах обычно те, кто ходит на семинары и готовятся к экзаменам. А сегмент двоечников, думаю, мы не очень хорошо затронули. Это нам задание на будущее.

- 2) Когда проводился последний опрос - до оценок или после?

Роман: До. Но мне кажется, статистически, если распределение было плюс-минус нормальным, опрос после получения оценок дал бы примерно тот же результат — кто-то ожидал оценку выше, кто-то ниже, но в итоге среднее будет тем же.

- 3) Вы говорили, что подтянули оценки на фоне всех ответов.

Получается, в критериях у вас было написано, условно, что должно быть 5 источников, но раз большинство привело два источника, то вы сделали это новой нормой и повысили балл. А если бы большинство вообще ничего по этому поводу не написали, то всем бы, кто не написал, поставили максимальный балл?

¹ [По ссылке слайды](#) к докладу Романа Янковского.

Роман: У нас критерии были не количественными. Вот, допустим, «структура документа». Она оценивается преподавателем — все студенты ранжируются и получают оценки от 0 до 3.

Соответственно, кто-то получил 0 баллов, кто-то 1, 1,5, и так далее до 3. Если мы видим, что в сумме ни у кого не выходит высокая оценка, мы можем увеличить результат по отдельным критериям. То есть мы берем этих студентов и умножаем их, допустим, на полтора. Те, у кого был 0, остается 0. Те, у кого был один, получает полтора.

- 4) То есть те, кто изначально ответил плохо — раз их много, оценка повысилась. И мы всем поставим высокую оценку только потому, что их много. Это же неправильно!

Роман: Вы задаете очень правильный вопрос. Здесь мы должны вначале решить, какая роль экзамена, цель экзамена в принципе.

Во-первых, мы даем студентам на экзамене обратную связь о том, достаточно ли они знают предмет.

Во-вторых, бывает, когда есть проверяемый уровень знания.

Например, знание английского языка: вы ведь не должны ставить человеку «отлично» за посещаемость, если он в результате не выучил язык. А если наоборот? Вот я, например, хорошо знал английский в университете, но на семинары не ходил, и преподаватель поставила мне «три». Справедливо ли это?

- 5) А если у них в группе будет какой-то гений, мы, сравнивая с ним всех, получается, всем оценку поставим очень низкую? Плюс есть такое понятие, как прилежание. Студент может очень сильно стараться, видно его старания, он читает, но понять не может. Ему можно повысить именно за его старания. А бывает такой, у которого всё получается. Зрительная память. пришел вам прямо от А до Я все написал, а сути там нет.

Роман: Вот, это уже третий фактор, который мы оцениваем. Вначале мы оценивали знание ИГПЗС — либо по абсолютной шкале (от нуля до Бога), либо относительно одногруппников и однокурсников. Третий фактор — старания. Смотрим, кто предложил больше усилий. Грубо говоря, у кого наибольшая разница между тем, что было в начале, и тем, что было в конце.

Я вам больше скажу — мы можем вспомнить еще кучу факторов, которые оцениваются. Например, если экзамен устный, мы будем оценивать, как студент выступает. Как он себя ведёт, как он умеет поддерживать диалог, вести дискуссию. Это к ИГПЗС уже не будет иметь отношения — но мы тоже это будем проверять.

Если честно, я для себя не нашёл универсальной формулы. На каждом экзамене мы оцениваем что-то своё. Это очень сильно

связано с предметом: насколько он практичный, чем мотивируется студент, нужно ли организовать конкуренцию в группе. Иногда, наоборот, мы оцениваем какой-то навык, как на экзамене по английскому. Если у студента три по английскому, это должно означать, что у него низкий уровень, а не что у него был очень требовательный преподаватель. Так что, наверное, на каждом экзамене оценивается что-то свое.

Антон Валерьевич! А вы как думаете?

А.В. Ильин об опыте юридического факультета НИУ ВШЭ (СПб)

Во многом, что вы сказали, я согласен. Я даже не буду повторять — это совершенно очевидно правильные вещи.

Мы с 2017 года почти все экзамены проводим письменно, то есть за 6 лет тысячи, тысячи экзаменов проведены. И на самом деле никаких нет, скажем так, объективных сложностей. Большинство этих опасений - они мифические, выдуманные, их легко преодолевать. Но я начну даже не с этого.

Самое главное: мы вводим письменные экзамены не ради самого письма. Не потому, что сказали: вот, смотрите, там, в Америке, Великобритании, все письменные. Давайте-ка мы сделаем, как у них. Это не имеет, конечно, никакого смысла.

Экзамен — это ведь проверка того, чего мы научили на семинарах. Вот это мы и проверяем. И вот — извините, я сейчас буду категорично выражаться — мы консенсусом на факультете решили, что нет смысла проверять эти абстрактные звуки. Да, нет смысла задавать вопросы на знания.

Что такое цессия? Для нас это уже пройденный этап. Мы не задаем таких вопросов. Во-первых, это никому не надо. Все умеют читать: консультант плюс, законы. Существует огромное количество хорошей литературы. Забыл, что такое цессия — взял, почитал, вспомнил, обрадовался, что ты еще что-то помнишь, доволен собой.

То есть проверяется не это. Мы исходим из того, что нужно научить юридическому мышлению: пониманию, как работает цессия в жизни; какие проблемы здесь существуют; какие решения есть; почему законодатель и пленум Верховного суда дают такие разъяснения. И это важно увидеть в

конкретной ситуации. Мы создаем конкретные ситуации, которые специально для учебных целей упрощаем.

Конечно, это большая задача. Мы ее решаем, потому что поставили такую цель – обучать. У нас в каком-то смысле точный подход, как у точных наук: ты прорешал огромное количество задач и научился предмету. Этот подход — он не единственный, конечно, возможен, но мы выбрали такой.

Ясно, что нельзя устно решать задачи на экзамене. Это, извините, извращение — хотя у нас практикуется в разных, в том числе в крупных вузах. Далее: естественно, нужны источники, потому что как решать задачу, не помня наизусть Налоговый кодекс или Гражданский. У нас даже, кстати говоря, по ИОГП и ИГПЗС схожие задачи, как и у вас. Мне очень понравилось то, что студенты у вас имеют возможность читать закон. Преподаватель составляет задачу для того, чтобы студент ответил на вопрос, который надо найти, читая источники. Конечно, ты не найдешь ответ, если не готовился, если ничего не знаешь. А если ты знаешь, если понял, в чем вопрос, сориентировался в источнике — то дашь ответ и правильно решишь эту задачу.

Для чего мы так проверяем студентов? Помню, я был в апелляционной комиссии, еще когда мы начинали свою реформу, и там был вопрос по гражданскому праву: «охарактеризуйте договор аренды». И вот я сидел, думал: когда все-таки надо остановиться, где вот это «удовлетворительно», где «хорошо», где я должен остановить студента? Понятно, что невозможно, если проверяешь устно.

Устный экзамен – этот чистый волюнтаризм. Это очень нравится преподавателям. Не надо никому ничего объяснять. Посмотрел на студента, попросил: «скажите первое слово». Он говорит: «Цессия». Отлично. Если сказал первое «сделка» — хорошо. До свидания. Уходи.

Когда я слышу, что есть проблемы с программами письменных экзаменов, что они недостаточно прописаны — конечно, надо что-то с этим делать. *[говорит саркастически]* Ведь с устными-то нет этих проблем. Составили перечень вопросов — и 20 лет они висят на сайте или на дверях кафедры. Очень удобно.

Вторая моя идея заключается в том, что, конечно, требуются какие-то критерии. Но критерии — это сложная штука. Мы, например, все время эти программы совершенствуем. Естественно, что-то не удастся. Не существует идеальной системы, все равно какая-то субъективность останется, раз идет оценивание. Но возможно свести к минимуму такие случаи.

Мы используем три основных критерия:

- 1) **Полнота решения задач.** Полнота означает, все ли спорные, проблемные вопросы задачи обозначены. Обычно задача

сформулирована не как «назовите срок исковой давности».

Естественно, там обычно две, три, четыре спорных ситуации, которые связаны друг с другом. Студент должен обозначить, что он в задаче вообще увидел.

- 2) **Аргументация.** Аргументировано? Логически связано ли? Могут ли аргументы приводить к тезису, который защищается, или нет? Все это также расписано в программе.
- 3) **Правильность.** Правильность означает, что в работе не должно быть указаний, которые прямо расходятся с законодательством, без указания на этот момент. Да, могут быть задачи, когда студент указывает: «да, в кодексе (или в Пленуме) так, но это абсолютно неправильно, потому, что...» Но вот если он этого не пишет, а пишет, например, что срок исковой давности — 100 лет, это ошибка. Мы за это, естественно, с удовольствием его покараем.

Эти три момента комбинируются и получается итоговая оценка — из 10 баллов (фактически из 9, единица для других целей).

За эти шесть лет абсолютно по всем предметам я не скажу, что был хотя бы один сложный пример, когда не могли применить эти правила. Студентам это все понятно.

Второе. Письменный экзамен — это честность. Он защищает студента от волюнтаризма преподавателя. Он заставляет преподавателя объяснить каждому студенту, почему у него оценка. И в нашем случае к письменной работе должен быть комментарий, где ошибки студента, где его недосмотр и почему применен такой критерий к работе.

Мы тоже шифруем эти работы. После проверки обязательно проводим показ работы, преподаватель рассказывает: какие типовые ошибки существуют, за что чаще всего снижались баллы. Короче говоря, проводит разбор. Дальше студенты могут, уже получив общую картину и имея перед собой свою работу с пояснениями, спросить преподавателя, если они что-то недопоняли в его комментариях.

Это большая работа, если на преподавателя подается апелляция. А тут, видите, к чему апеллировать? Всё объективно, все критерии известны. Апелляция рассматривает эту работу и видит, что у студента было написано. Понятно, если апелляция устная, студент заткнет за пояс преподавателя: он ведь очень сильно мотивирован подготовить новый ответ на вопрос за эти, сколько там у нас, пять дней. Так вот, в апелляции по письменной работе комиссия прекрасно видит: за что снижен балл, правильно ли применены правила из программы. У нас апелляция очень эффективно работает, исправляя те правила, которые преподаватель неправильно применил.

У нас разрешено и понижать оценки, поэтому апелляции, апелляция, бывает, пересматривает оценку в худшую сторону. Ведь это тоже нарушение методики, если оценка выше, чем заслужил.

Ну и, наконец, третья задача письменного экзамена — по ним мы видим, какой уровень преподавания у нас есть. Я, например, как декан, или заведующие кафедрами у нас — как у вас заведующие департаментами — и члены апелляционной комиссии. Они видят, какой уровень преподавания. Мы через эти задания видим, на что способен преподаватель, что может, чего не может делать. Видим уровень требовательности. Бывает очень сложные задачи, бывает очень легкие задачи.

Например, у нас гражданское право в какой-то момент состояло из двух частей. Первая — тестовая часть на знание законодательства, которая должна отсекает наиболее неспособных студентов. Вторая — это задача. Сдавая тест, студенты ничем не могут пользоваться на компьютере. Если тест прошли, их допускают до задачи. Тест у нас был не то, чтобы сложный, но можно было совершить не больше трёх ошибок из двадцати. Этот уровень строгости можно оставить таким же, можно снижать. В зависимости от того, что мы считаем для себя приемлемым или не приемлемым. Но это никак не связано с тем, устный экзамен или письменный.

Если собрать все это вместе, могу сказать, что у нас ни разу не было никаких сложностей. Ни в применении критериев, ни в отношении непонимания, допустим, студентами — почему они получили такие оценки за свои задачи. Поэтому никаких проблем не возникает. Тем более, если ты практикуешь, нарабатывается навык — студенты привыкают.